реальным поведением и подавляемой информацией» [Там же], что является естественной формой психологической защиты, которая проявляется «в забывании, блокировании неприятной, нежелательной информации» [Там же]. Подавляемые чувства находятся в области бессознательного, так как, как отмечал К. Г. Юнг, в определенный момент времени сознание способно работать только с частью какой-либо информации – сейчас все мысли ребенка направлены на то, как благополучно перевезти людей на другой берег Невы [4].

Безусловно, пережитое Матвеем Капитоном первое испытание смертью (потеря отца) и каждодневные риски попрощаться с жизнью не могли не отразиться на умственном и эмоциональном развитии мальчика. Эти испытания заставили его рано повзрослеть и стать сильнее духом, поспособствовали тому, что ребенок находит в себе силы победить страх смерти и надумать заступить на место своего отца, что вызывает искреннее удивление рассказчика: «Как же он может? – подумал я. – Как может этот маленький человек держать в руках эти страшные весла? Как может он спокойно сидеть на скамейке, на которой еще небось не высохла кровь его отца? Ведь, казалось бы, он на всю жизнь должен был проникнуться смертельным ужасом и к этой заляпанной работе, и к этой лодке, и к веслам, и к черной невисской воде» [1, с. 180]. Слова Матвея произнесены «как-то очень хорошо, просто и спокойно»: «Бойся не бойся, а уж если попадет, так попадет. Легче ведь не будет, если бояться?» [Там же, с. 183]; они разъясняют истинные причины поступка маленького героя: за его кажущимся фатализмом скрывается настоящее мужество, присущее не каждому взрослому человеку. Понять мотивацию поведения мальчика помогает наблюдение психолога В.В. Зеньковского, который одним из первых обратил внимание на связь переживания страха с психологией риска. По мнению учёного, реакция на страх может иметь как пассивную, так и активную формы. Страх способен вызвать у человека психическую и психофизическую депрессию, однако «может выразиться и в переживании риска, во влечении ринуться навстречу опасности» [2, с. 130].

Итак, в рассказе Л. Пантелеева «На ялике» герой-ребенок подвергается испытанию смертью, которое он с честью выдерживает. Во время войны Матвей Капитонич рано повзрослел и смог преодолеть свои страхи и фобии. Рационально оценивая происходящие события, ребенок принимает недетское ответственное решение продолжить дело своего умершего отца.

1. Пантелеев, Л. И. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. Рассказы. Воспоминания. Дневники. Одноактные пьесы / Л. И. Пантелеев. – Л.: Дет. лит., 1972. – 455 с.: ил.
2. Зеньковский, В. В. Психология детства / В. В. Зеньковский. – М.: Академия, 1995. – 343 с.
3. Платонов, Ю. П. Приемы психологической защиты [Электронный ресурс] / Ю. П. Платонов. – Режим доступа: URL: <http://www.gtmarket.ru/laboratory/expertize/4939> (дата обращения: 23.06.2019).
4. Юнг, К. Г. О современных мифах / К. Г. Юнг; пер. с нем., предисл. и примеч. Л. О. Акопяна; под ред. М. О. Оганесяна, Д. Г. Лахути. – М.: Практика, 1994. – 251 с.

Бубенщикова А.А.

Сопоставительный анализ перевода и оригинала в произведениях К. Р. Сафона в свете современных концепций эквивалентности

*Уральский федеральный университет
(Россия, Екатеринбург)*

doi: 10.18411/lj-06-2019-62

idsp: ljjournal-06-2019-62

Аннотация

В работе рассматриваются основные аспекты сравнительного анализа перевода и оригинала, также представлены переводческие решения, включающие как удачные, так

и ошибки, неточности и сбои – с позиций прагматики и того эмоционально-ассоциативного эффекта, который производит текст перевода на читателя, в отличие от воздействия оригинала. Анализ строится на материале романа «La sombra del viento» / «Тень ветра» современного испанского писателя Карлоса Руиса Сафона.

Ключевые слова: переводческое решение; контекст; образ; прагматика; семантика; интерпретация; подтекст.

Abstract

In this article we evaluate some of translators' decisions involving both their advantages and mistakes, misunderstandings and faults – from pragmatic perspective and from that emotional and associative impact which the Russian text causes on the reader in comparison with the Spanish one. Our analysis is based on the novel of a modern Spanish writer Carlos Ruiz Zafon named "The shadow of the wind".

Key words: translator's resolution; context; image; pragmatics; semantics; interpretation; subtext.

В категории прагматики имеется мощная ассоциативно-субъективная составляющая, обуславливающая общую герменевтическую модель и интерпретационные нюансы в ассоциативной перцепции и трактовке лексических и фразеологических единиц при переводе. Неслучайно в последнее время в отечественной романистике и теории перевода плодотворно разрабатывается понятие дифференциала прагматической идентичности в российских лингвистических школах, возглавляемых В. А. Иовенко [2] и Н. В. Карповской [3].

Мы обратились к весьма популярному сегодня роману «Тень ветра» каталонского романиста Карлоса Руиса Сафона. Как оригинал, так и переводы его произведений в мире пользуются огромным спросом, бурно обсуждаются в общих и профессиональных социальных сетях. Наш анализ затрагивает избранные фрагменты перевода, выполненного творческим дуэтом филологов, опытных переводчиков Маргариты Смирновой и Василия Темнова. Сопоставление отрывков оригинала и их соответствий на русском языке с точки зрения оказываемого ими прагматического эффекта позволяет выяснить и уточнить некоторые важные коннотативные и семасиологические особенности испанской лексики и фразеологии, а также выявить семантико-стилистические черты нарративной манеры Руиса Сафона.

Мы пытаемся выяснить, какие современные концепции эквивалентности задействованы в романе, а также продемонстрируем, каким трансформациям подверглись коннотации и контекстуальная семантика лексических и фразеологических единиц оригинала.

В «Тени ветра» сочетаются несоединимые, с точки зрения банальной логики, образы, феномены и действия. Следуя постмодернистской эстетике сопряжения несопрягаемого, Руис Сафон демонстрирует настойчивую, если не навязчивую, тягу к синестезии, которую нам хотелось бы проиллюстрировать примерами: *Las calles olían a un silencio que se sentía en el estómago*.

Улицы пахли молчанием, которое ощущалось в желудке. Молчание, тишина, которые ощущаются как запах или вкус, создают коннотацию страха, одиночества, безысходности.

В целом, роман «Тень ветра» можно назвать онтологией необычных запахов, их сочетаний: *Por espacio de casi media hora deambulé entre los entresijos de aquel laberinto que olía a papel viejo, a polvo y a magia*. Около получаса я бродил среди закоулков лабиринта, пахнущего старой бумагой, пылью и магией. В переводе М. Смирновой и В. Темнова магия названа волшебством, что представляется нам вполне оправданным: «Около получаса я бродил по закоулкам лабиринта, пропахшего старой бумагой, пылью и волшебством» [3].

В переводе М. Смирновой и В. Темнова не сохранился концепт праха, но добавилось отсутствующее в оригинале уточнение о том, что страницы были ветхими и страдали эти страницы именно от прикосновений: «Я вырос среди книг, находя незримых друзей на рассыпавшихся от прикосновения ветхих страницах, чей запах до сих пор хранят мои руки».

М. Смирнова и В. Темнов довольно смело дистанцируются от оригинала и абсолютно неоправданно заменяют слово *presa* (жертва, цель, добыча для хищника) на слово текст, не имея на это никакого права, ведь букиниста интересовал вовсе не текст, а раритет издания. Кроме того, «хищник» книжного дела впервые смотрел на обложку, понимая, прежде всего, что выпусков этой книги очень мало.

Таким образом, интересное, необычное авторское словосочетание-находка *fachada farandulera* (театрализованный (ложный, фальшивый) фасад) оказалось запечатленным в скучной, заезженной русскими критиками и философами лексеме «личина».

С такими когнитивно-образными потерями в языке перевода приходится мириться, но важно осознавать, какими именно красками пришлось пожертвовать в процессе трансляции основного смысла. Символично-метафорическое пространство средиземноморских и русской лингвокультур обнаруживают известную гуманитарную близость, поэтому с позиций прагматики перевод выдержек с элементами синестезии не представляет собой непреодолимых трудностей. *El aliento del amanecer acarició mi ventana y mis ojos cansados se deslizaron por la última página. Me tendí en la penumbra azulada del alba con el libro sobre el pecho y escuché el rumor de la ciudad dormida* [2].

Приведем перевод М. Смирновой и В. Темнова: «предрассветный ветерок повеял в мое окно. Но вот усталые глаза скользнули по последним строкам. В голубоватом утреннем свете я лежал на кровати с книгой на груди, прислушиваясь к глухим звукам спящего города».

Мы считаем, что нет необходимости отдаляться от оригинала, и можно оставить в переводе авторское «дыхание рассвета», не заменяя его на «предрассветный ветерок», как это сделано в неоднократно изданном переводе. По нашему мнению, есть возможность остаться ближе к оригиналу: «дыхание рассвета нежно коснулось моего окна, а мои усталые глаза проскользили по последней странице. Я вытянулся в синеватой мгле рассвета, положив книгу на грудь, прислушиваясь к шорохам сонного города». Ни глагол «повеял», использованный М. Смирновой и В. Темновым, ни наш «коснулся» не соответствуют во всей полноте ни семантически, ни коннотативно глаголу оригинала *acarició* / приласкал, столь характерному для испанского мироощущения, отличающегося универсальной эротичностью.

Материал романа ощущается и передается писателем как визуализация бесконечных отражений, где пейзаж являет собой немую квинтэссенцию действий, а персонажи предстают как взаимные кривые зеркала. Приведем иллюстрирующее эту мысль рассуждение Карлоса Руиса Сафона: *Paso a paso, la narración se descomponía en mil historias, como si el relato hubiese penetrado en una galería de espejos y su identidad se escindiera en docenas de reflejos diferentes y al tiempo uno solo. Los minutos y las horas se deslizaron como un espejismo. Horas más tarde, atrapado en el relato, apenas advertí las campanadas de medianoche.*

Естественно, что на русский язык рассматриваемая нами повторяющаяся лексика (*espejo, espejismo*) переводится каждый раз по-разному: мираж, призрак, иллюзия, отражение, марево. Расследуя тайну жизни и исчезновения героя, Руис Сафон представляет этот процесс как длительное проявление фотографической пленки: *Nuevos detalles, briznas de imágenes y espejismos despuntaron entre líneas, como el tramado de un edificio que se contempla desde diferentes ángulos* [5, с. 8].

В переводе несложно оставить «внешнюю форму» фразеологизма, но шутовство его семантики останется вне радиуса восприятия русскоязычного читателя.

Els Quatre Gats era uno de mis rincones predilectos de toda Barcelona. Allí se habían conocido mis padres en el año 32, y yo atribuía en parte mi billete de ida por la vida al encanto de aquel viejo café. Dragones de piedra custodiaban la fachada enclavada en un cruce de sombras y sus farolas de gas congelaban el tiempo y los recuerdos. En el interior, las gentes se fundían con los ecos de otras épocas. Contables, soñadores y aprendices de genio compartían mesa con el espejismo de Pablo Picasso, Isaac Albéniz, Federico García Lorca o Salvador Dalí. Allí, cualquier pelagatos podía sentirse por unos instantes figura histórica por el precio de un cortado [7].

Четыре кота было одним из самых любимых моих уголков во всей Барселоне. Там в 1932 году познакомились мои родители, и я частично приписывал мое обладание билетом в жизнь очарованию того старого кафе. Каменные драконы охраняли фасад, покоившийся в пересечении теней, а газовые фонари замораживали время и воспоминания.

Как пишет Л. В. Моисеенко, языковая личность, производящая и воспринимающая текст, взаимодействует с ним, и выступает как элемент системы, в зависимости от степени своей осведомленности, так или иначе, интерпретируя прецедентные феномены, определяя их эпистемический статус [3, с. 4]. Кроме того, в узусе универсальные прецедентные имена «отражают не реальность как таковую, а когнитивные структуры языковой личности конкретного социума».

Из-за разницы стереотипов, исторически выработанных в языковых картинах мира, порой сложно переводить зоонимическую лексику, применяемую для характеристики лица. Библиофил и специалист по редким изданиям Барсело в разговоре с подростком Даниэлем называет его *sabandijilla* в следующем контексте: *No te pongas años de más, sabandijilla, que ya te los pondrá la vida* [6].

Как отмечает А. Альварес Солер, это обращение, носящее оценочный характер, в переводе на русский язык означает «зверюшка, (мелкая) тварь, букашка; ящерица; перен. – тварь, гадина». А. Альварес Солер считает, что «в данном случае следует перевести это слово как «гаденыш», аргументируя свое мнение следующим доводом: «Подобное презрительное отношение к маленькому мальчику свидетельствует о том, что Густаво Барсело пытается показать свое превосходство над ним, оказывая тем самым вербальное воздействие с целью добиться выполнения своего желания – получить ценный экземпляр книги. С его точки зрения, маленький мальчик, понимая, что должен с уважением отнестись к человеку, годящемуся ему в отцы, к прославленному книжнику и эрудиту, попав под его влияние, отдаст ему книгу» [1, с. 197–198].

М. Смирнова и В. Темнов предпочли следующее оформление этой реплики Густаво Барсело на русском языке: «Никогда не прибавляй себе годы, букашка, об этом позаботится сама жизнь».

С позиций прагматики наиболее уместным здесь было бы нейтральное «малыш», ведь рекомендация библиофила не прибавлять себе лет прозвучала до того, как Барсело узнал о существовании редкого экземпляра некой книги. Для создания комического эффекта в романе используется прием гиперболы: *El samarero asintió y partió, arrastrando los pies y el alma*. М. Смирнова и В. Темнов остановились на простом варианте: Официант кивнул и удалился, волоча ноги и душу. Мы полагаем, что если добавить усилительную частицу, то коммуникативный эффект будет ярче: Официант кивнул и поплелся, еле волоча и ноги, и душу

Отдельного и подробного анализа заслуживают фразеологические единицы, многие из которых вынужденно игнорируются переводчиками. Идиоматика, несомненно, насыщает оригинал особыми красками. Для носителя испанского языка контекст и прецедентный узус оказываются достаточными для смысловой и коннотативной сохранности трансформированной идиомы. Отнюдь не всегда смысл

будет досконально ясен даже профессиональному переводчику, для которого испанский язык родным не является.

Итак, с позиций прагматики в рассматриваемом нами переводе имеется немало спорных переводческих решений. С нашей точки зрения, необходимо переосмыслить и переработать существующий в огромном количестве экземпляров перевод с точки зрения его прагматического соответствия авторскому замыслу.

Как мы показали, перевод грешит массой досадных, мелких, легко устранимых неточностей, влияющих, однако, на достоверность общей авторской художественной картины мира в целом. В искусстве, как известно, мелочей не бывает. В ряде случаев перевод М. Смирновой и В. Темнова представляется нам неприемлемым, так как не передает ни прагматической, ни морально-этической составляющей конкретных коммуникативных ситуаций и всего национально-культурного контекста романа в целом.

1. Альварес Солер А. А. Коммуникативно-прагматический аспект использования этических и эстетических оценок при речевом воздействии (на примере художественных текстов на испанском языке). Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 589. С. 191–199.
2. Иовенко В. А. Перевод в национально-культурном мировидении // Филологические науки в МГИМО. – 2016. – № 6. – С. 74–91.
3. Карповская Н. В. Прагматический потенциал языковых единиц в свете детерминации переводческих решений: на материале испанского языка: Монография. – Ростов-н/Д : Изд-во Южного федерального университета, 2009. – 207 с.
4. Карповская Н. В. К вопросу о проблеме прагматической эквивалентности в переводе // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2011. – № 4. – С. 98–104.
5. Лотман Ю. М. Риторика // Избранные статьи. Статьи по семиотике и топологии культуры. – СПб., 2000. – С. 167–183. – URL : yanko.lib.ru/books/cultur/lotman=ritorika=article.
6. Calle Rosingana G. Perspectiva lingüística y cognitiva del estilo de Carlos Ruiz Zafón en La sombra del viento. Электронный pecypc: www.tesisenred.net/bitstream/handle/10803/81112/tesdoc_a2012_calle_gonzalo_perspectiva.pdf?sequence=1 (Дата обращения: 14.06.2019)
7. Dichos populares. Ciudad real. – Электронный pecypc: www.ciudad-real.es/varios/dichos/l.php (Дата обращения: 14.06.2019)

Булина Е.В.

Лингвокультурологический континуум слова зипун в русской языковой картине мира

*Бакирский государственный университет
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/lj-06-2019-63

idsp: ljjournal-06-2019-63

Аннотация

Статья посвящена анализу лингвокультурологического континуума слова зипун в современном русском языке в составе ключевой идеи «Зима» русской языковой картины мира. Цель – комплексное исследование языкового континуума лексемы зипун: происхождение и история слова в русском языке, современная семантика, словообразование и функционирование производных от данного слова, сочетаемость с другими словами, контекстуальное употребление лексемы в научных, художественных и публицистических текстах.

Ключевые слова: лингвокультурологический континуум; лексема зипун; этимология слова; семантика слова; сочетаемость слова; функционирование слова.